

Сун Хуай — что он вообще за человек?

Если развитие этого мира в точности повторяет сценарий сериала, в котором он снимался, то Лянь Цзяшоу казалось, что на свете вряд ли найдётся кто-то, кто понимал бы Сун Хуая лучше него.

Повзрослевший Сун Хуай славился своей жестокостью, бунтарским нравом и лютой злобой. Во всём Звёздном Альянсе и даже за его пределами при одном лишь упоминании его имени у каждого невольно холодела спина и начинался трепет от ужаса. Его можно было назвать жестоким, но ещё больше — безумным: ради собственной цели он был готов пожертвовать чем угодно, а если ему что-то приглядывалось, он без малейших колебаний отнимал это, даже если ради этого пришлось бы погубить жизни на сотнях планет.

Можно сказать, что во всей этой слезливой драме девяносто с лишним процентов страданий, выпавших на долю группы главных героев, были дело рук Сун Хуая.

Даже Лянь Цзяшоу, исполняя роль Сун Хуая, из-за чрезмерной депрессии и подавленного состояния то и дело чувствовал едва ли не расщепление личности, и после съёмок ему потребовалось немало времени на восстановление, чтобы прийти в себя.

Одержимость и безумие Сун Хуая проистекали из затаённой обиды, зародившейся в муках, и чем глубже пускала корни эта обида, тем более болезненным становилось его поведение.

Обычному человеку было крайне трудно найти с Сун Хуаем общий язык.

Но, к счастью, нынешний Сун Хуай ещё не превратился в того самого Владыку Демонов из будущего.

Столкнувшись с восьмилетним «маленьким демоном», Лянь Цзяшоу чувствовал, что многое всё-таки можно исправить.

Наверное.

Лянь Цзяшоу без всяких приличий рухнул на кровать в комнате, раскинул руки в стороны и тяжело вздохнул.

Притворяться послушным приходилось слишком долго, и только сейчас он наконец мог позволить себе показать своё истинное лицо.

Хотя в мыслях у него роилось множество планов, его внезапно забросило в этот мир, да к тому же выяснилось, что этот мир — вселенная телесериала, а сам он — пушечное мясо без имени и фамилии, которое в любой момент могут затащить на дно из-за оплошности хозяина. В такой ситуации никто бы не смог сохранить подлинное хладнокровие.

Что до того, что будет дальше... остаётся только действовать по обстоятельствам.

Лянь Цзяшоу немного полежал на кровати, но, чувствуя тревогу, поднялся, встал перед зеркалом и ещё несколько раз отрепетировал возможные сценарии общения с Сун Хуаем.

Когда подошло время, слуга семьи Сун снова постучал в дверь и беспристрастно бросил Лянь Цзяшоу:

— Идем за мной.

Лянь Цзяшоу мгновенно напустил на себя послушный вид и последовал за ним до двери соседней комнаты.

Постучав, слуга осторожно перебросился с кем-то внутри парой фраз, затем открыл дверь и толкнул Лянь Цзяшоу внутрь.

Стоило Лянь Цзяшоу переступить порог, как его ноги ещё не успели твёрдо встать на пол, а дверь за его спиной уже тихо затворилась.

Лянь Цзяшоу: «.....»

Ему было одновременно и досадно, и смешно. Поведение этого человека выглядело так, будто его заперли в клетке с каким-то свирепым монстром, страшно боясь, что он передумает и попытается сбежать.

Хотя, если подумать, Сун Хуай из поздних глав сюжета от монстра отличался разве что биологическим видом.

Мысленно вновь вздохнув, он наконец повысил голос и окликнул пространство в глубине просторной комнаты:

— Молодой господин, меня зовут Лянь Цзяшоу, я...

Слова ещё не сорвались с его губ, и он даже не успел поднять голову, чтобы оглядеть комнату, как раздался резкий звук, и в его сторону полетел какой-то предмет.

Лянь Цзяшоу сразу понял, что это дорогая чашка. Каким бы изысканным ни был сосуд, удар о человеческое тело причинит боль. Однако в этот момент, опираясь на своё понимание Сун Хуая, Лянь Цзяшоу мгновенно сообразил, что уворачиваться сейчас нельзя ни в коем случае.

Делать было нечего.

Лянь Цзяшоу зажмурился, изображая, что не успевает уклониться, и принял этот удар всем телом.

Чашка с глухим стуком врезалась Лянь Цзяшоу в грудь, а затем рухнула на пол, издав звонкий треск, и осколки мгновенно разлетелись во все стороны.

Тыльную сторону ладони внезапно кольнуло — видимо, один из осколков оцарапал кожу, но у Лянь Цзяшоу не было времени осматривать рану. Словно вовсе не чувствуя боли, он уверенно шагнул вглубь комнаты и за декоративным шкафом заметил хмурого и пылающего гневом младшего господина Суна.

Наконец-то он встретился с этим человеком.

В прошлой жизни, будучи хоть сколько-то известным актёром, Лянь Цзяшоу никогда не испытывал недостатка в сценариях и ролях, но среди множества историй он с первого взгляда выделил сценарий под названием «Падение звезд» и роль Сун Хуая.

До этого Лянь Цзяшоу никогда не играл злодеев, да и окружающие считали, что его амплуа вовсе не подходит для отрицательных персонажей, но Сун Хуай стал исключением.

Стоило ему прочитать сценарий, как Лянь Цзяшоу сразу же увлёкся образом Сун Хуая: и пережитыми им в прошлом страданиями, и последующей борьбой, и зарождавшейся в момент спасения благодарностью к главному герою-омега, и той глубокой одержимостью, в пучины которой он погрузился, так и не дождавшись спасения.

Сам по себе Сун Хуай представлял собой сложный многогранный образ, требующий огромных душевных сил для воплощения, что казалось Лянь Цзяшоу невероятно заманчивым вызовом.

Во время съёмок Лянь Цзяшоу ни на секунду не переставал размышлять о Сун Хуае: гадал, как тот отреагирует на те или иные события, о чём он думает на самом деле, и даже представлял его внешность, его едва заметные мимические движения.

Пусть всё ограничивалось лишь текстом сценария, за те несколько месяцев работы Лянь Цзяшоу казалось, будто он стал закадычным другом своего персонажа, знающим о нём абсолютно всё.

И вот настоящий Сун Хуай наконец предстал перед ним.

Внешность Сун Хуая оказалась точь-в-точь такой, какой Лянь Цзяшоу рисовал её в своём воображении.

Восьмилетний Сун Хуай был невероятно привлекательным ребёнком. Чересчур яркая внешность делала его самым заметным человеком везде, где бы он ни появлялся, вот только

из-за чрезмерно холодного выражения лица от него веяло какой-то бесчувственной надменностью.

И дело было вовсе не в том, что его облик соответствовал фантазиям Лянь Цзяшоу — скорее, та холодная отрешенность вокруг него и едва сдерживаемое безумие на дне глаз казались Лянь Цзяшоу до боли знакомыми.

Сун Хуай и должен быть таким. Он просто не мог выглядеть иначе. Лянь Цзяшо был крайне доволен этой сценой — то ли он радовался тому, как выглядит собеседник, то ли упивался плодами собственного прошлого труда.

Он сам того не заметив, надолго задержал взгляд на Сун Хуае.

Однако это быстро вывело Сун Хуая из себя: не успел Лянь Цзяшо замереть на месте, как Сун Хуай уже схватил со стола вазу и снова запустил ею в Лянь Цзяшо.

Лянь Цзяшо не стал уворачиваться или отступить, и ваза угодила ему прямо в лоб.

Осколки разлетелись по всему полу. На этот раз отделаться мимолетной болью не вышло: Лянь Цзяшо согнулся, прижав руку к виску, и почувствовал, как по брови сбегает струйка свежей крови, застывая глаза.

Дело приняло скверный оборот. Знал бы — хоть немного увернулся, а теперь получить лишние травмы было совсем ни к чему.

Впрочем, этот избалованный молодой господин и впрямь бьет не жалея сил — до чего же больно!

Лянь Цзяшо думал об этом, зажимая голову рукой, и присел на корточки, прижав к ране носовой платок. Он попытался переждать, пока утихнет острая боль, чтобы подняться.

В комнате стояла тишина. Лянь Цзяшо слышал шаги Сун Хуая, но тот сделал всего два шага вперед и резко замер.

Спустя довольно долгое время Лянь Цзяшо наконец поднял голову и посмотрел на Сун Хуая, который сверлил его своими темными, как ночь, зрачками.

— Я в порядке, совсем не больно, просто немного крови, молодому господину не о чем беспокоиться. — Лянь Цзяшо поднял лицо и постарался придать голосу как можно больше невинности, а на лицо — безобидную улыбку. — Мы с молодым господином еще мало знакомы, так что вполне естественно, что вы мне не доверяете.

Сун Хуай: «.....»

Он пронзил Лянь Цзяшо ледяным взглядом, а услышав эти слова, вдруг рассмеялся: — А ты мастак поговорить.

Верно, именно таким бессердечным и язвительным он и должен быть.

Слушая его реплику, Лянь Цзяшо чувствовал, что образ собеседника полностью совпадает с тем Сун Хуаем, что жил в его сердце.

Если бы Сун Хуай вел себя иначе, Лянь Цзяшо, пожалуй, даже встревожился бы, но сейчас, видя такую картину, он, напротив, успокоился.

Раз перед ним был именно тот Сун Хуай, которого он знал, значит, он понимал, как с ним следует обращаться.

Лянь Цзяшо вытер кровь со лба и, радуясь про себя, что рана неглубокая, с напускным безразличием произнес: — Юный молодой господин, мое имя Лянь Цзяшо...

Сун Хуай нахмурился и резким движением оборвал его: — Ты уже говорил это.

Лянь Цзяшо продолжил: — Меня прислал господин Сун, чтобы я стал вашим компаньоном по учебе. В дальнейшем мы будем вместе посещать занятия, а после поступим в академию, где я буду отвечать за вашу безопасность и выполнять любые ваши приказы.

Сун Хуай: — И это с такой-то рожей?

Лянь Цзяшо поскреб щеку и горько улыбнулся: — Сейчас я, может, и выгляжу потрепанным, но в будущем буду усердно учиться.

Сун Хуай остался глух к его словам. Вид у него по-прежнему был наотрез отказывающегося от общения человека; его правая рука уже медленно потянулась к другой вазе на столе, и он раздраженно бросил: — Не хочу тебя слушать, убирайся вон.

Лянь Цзяшо следил за движением его правой руки и ни капли не сомневался: если тот ударит снова, на этот раз он отделается не просто разбитой кожей.

И все же он остался стоять на месте, лишь покачав головой: — Молодой господин еще не согласился позволить мне остаться.

Он не сводил глаз с выражения лица и движений Сун Хуая. Заметив, что суставы на его правой руке побелели, брови слегка сошлись на переносице, а губы крепко сжались, Лянь Цзяшо понял: до состояния ярости дело еще не дошло.

Если выразить уровень настроения Сун Хуая в цифрах, то при максимуме в 100 баллов сейчас он находился где-то на отметке 40.

Эту степень еще нельзя было назвать катастрофической, просто этот человек и в лучшие дни не отличался дружелюбием, оттого и выглядел столь устрашающе.

Хм, есть куда падать, так что переживать особо не стоит.

Тогда Лянь Цзяшо решил продолжить попытку и мягким, детским голосом осведомился: — Молодой господин, могу ли я сказать вам еще пару слов? Я хочу узнать вас лучше, только так я смогу как следует о вас заботиться.

Взгляд Сун Хуая стал еще более мрачным, и на этот раз он не удержался от насмешливого фырканья.

Лянь Цзяшо не упустил ни единой детали в его мимике.

Настроение упало уже до 30 баллов.

Похоже, сегодня этот номер с притворным простудушием не особо работает, пожалуй, стоит

сменить подход.

Дурная слава Сун Хуая во многом держалась на его непредсказуемом нраве: настроение этого парня менялось с невероятной скоростью, а мысли всегда были изменчивы. Иногда он мог принять определенный подход, но в следующий раз, примени ты ту же самую уловку, он мог просто отмахнуться от нее.

Так что оставалось только прощупывать почву шаг за шагом.

Воспользовавшись тем, что настроение собеседника еще не достигло худшей точки, Лянь Цзяшо принялся жалобно заискивать: — Юный молодой господин, пожалуйста, не прогоняйте меня. Отец, отправляя меня сюда, уже не собирался принимать меня обратно. Если я вернусь сейчас, он наверняка жестоко меня накажет.

Сун Хуай ответил с предельной холодностью: — Какое мне до этого дело?

Судя по ледяному тону, показатель его настроения катился к нулевой отметке.

Похоже, разжалобить его сегодня тоже не выйдет.

Лянь Цзяшо застрял в тупике с этим ребенком — возможностей оставалось немного, и если он не сумеет угодить Сун Хуаю, то сегодня действительно рискует навлечь на себя его гнев.

Пока Лянь Цзяшо лихорадочно размышлял, Сун Хуай в упор посмотрел на рану у него на лбу и вдруг с издевкой бросил: — Ты говоришь, что хочешь следовать за мной. Опустим вопрос о том, хватит ли у тебя на это способностей, но ответь: ты действительно можешь поручиться, что будешь предан мне до конца дней и никогда не предашь? Можешь поклясться в этом?

Услышав этот вопрос, Лянь Цзяшо резко поднял голову.

Шанс представился.

Эту фразу он знал слишком хорошо.

Лянь Цзяшо встретился взглядом с Сун Хуаем и тихо произнес: — Нет, не могу.

Едва слова затихли, Лянь Цзяшо отчетливо увидел, как Сун Хуай замер, а насмешка в глубине его глаз исчезла.

<http://bllate.org/book/22514/2377521>